

1484.

P 32591

Смена
Мушкетер

77

С Т Е П А Н Ш И П А Ч Е В

ИЗБРАННОЕ

Защита.

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

Москва 1944

11-84 + 24, 0 2

Редактор *С. Горский*

Подписано к печати 3/II 1944 г. А 2683.
Тираж 25000 экз. 3 1/2 печ. л. Зак. № 2113. Цена 3 р.
6-я типография ОГИЗ'а, Москва, 1-й Самотечный, 17.

ДЕВОЧКА

Моей матери

Качала зыбку девочка. К братишке
Её за няньку приставляли днём.
Подсолнухи, как рыжие мальчишки,
Кивали головами за плетнём.
Она росла: посила корм скотине,
Влезала на соломенный омет,
Без памяти лежала в скарлатине,
Проваливалась с ведрами под лёд.
Соседский бык мотал башкой лобастой,
Бодаться шёл, паделив правый рог.
Где не грозила в детстве ей опасность!
О, как бы я ту девочку берёг!
Пускай моя, мужицких предков, сила
Ещё под спудом времени спала,
Пусть жизнь моя не зачата была,
Та девочка её в себе носила.

1940

ПОЛДНЁВКА

Мелется деревня Щипачи,
Но в мелкой речке так же месяц тонет,
И так же силу ей дают ключи,
И пьют мальчишки из ковша ладоней.

На светлом дне следы копыт видны.
Не замутившись, по колен овечкам,
Она бежит с полдневной стороны,
И называется Полднёвкой речка.

Она впадает в ближнюю реку.
А сколько будет рек до океана?
Сибирскими равнинами бегут
Туда, где сходятся меридианы.

Я умывался быстрою водою,
В ладонях звонкая струя дробилась,
И знаю я: хоть каплей да пробилась
Струя Полднёвки в океан седой.

1940

* * *

Ил дождь осенний. Сад грусти о лете.
За мной вода заравнивала след.
Мне подсказала дата в партбилете:
Тогда мне было девятнадцать лет.

На город шёл Колчак. У мыловарни
Черпел окоп, в грязи была сирень,
А я снял — я стал партийным парнем
В осенний тот, благословенный день.

1939

ЛЕФОРТОВСКАЯ НОЧЬ

У часового кобура
Расстёгнута и шаг упругий.
И льются звёзды до утра
На синеватый сон орудий.

Блестят колёса и броня,
И на лафетах листья клёнов.
В казармах, древки накрепко,
Стоят штандарты и знамёна.

Не меркнут в их живом огне
И боевая пыль, и слава.
Луна читает в тишине
Заборов каменные главы.

Подходит осень — и невмочь
Листве под звездопадом хлёстким.
Горит лефортовская ночь
Отливом бронзы и известки.

1927

ТОВАРИЩИ

Где в кипарисах ветер
И где полярный наст,
Везде, где солнце светит,
Товарищи у нас:
От Сунгари, от Ладоги,
От Терека придут,
Готовятся к докладам,
Со мной трамвая ждут,
В снегах, в воде, хоть выжми,
Под пулями стоят
Товарищи по жизни,
Хорошие друзья...

Бывает: вступишь в двери
Иль за угол свернёшь,
И вдруг — глазам не веришь,
Стоишь — себе не веришь,
Что другу руку жмёшь.
Всего тебя наполнив,
Вдруг мелочи всплывут,
И ты полжизни вспомнишь
За несколько минут.

И к рюлке тянешь руку,
Всю ночь проговоришь,
И всё глядишь на друга,
Как в зеркало глядишь,
Припоминаешь годы,
Как за строкой строку,
Товарищей по взводу,
Дружков по котелку.

1936

* * *

Мы выйдем ещё не в один поход,
Нам по плечу фронтовые скитанья.
Но годы идут — и семнадцатый год
Уходит в легенды, в преданья.

А мы, ускоряя времени бег,
Подошвою чувствуя стремя,
И не замечаем, как старится век
И как молодест время.

1929

СЕДИНА

Рукою волосы поправлю,
Иду, как прежде, молодой,
Но девушки, которым правлюсь,
Меня давно зовут — седой.

Да и друзья, что помоложе,
Признаться, надоели мне:
Иной руки пожать не может,
Чтоб не сказать о седине.

Ну что ж, мы были в жарком деле.
Пройдут года — заговорят,
Как мы под тридцать лет сидели
И не старели в шестьдесят.

1939

ЗАВИСТЬ

Со мною в детстве няпчлился не шибко.
Ещё по снегу, мартовской порой,
Я бегал рваный, босоногий, в дышках,
А грелся у завалишки сырой.

Потом отдали в батраки. Желтела,
В рожок играла осень у окон.
И как вставать утрами не хотелось!
Был короток батрацкий сладкий сон.

Редел туман, и луч скользил по кровлям,
И занимались облаков края,
И солнце пад мычанием коровьим
Вставало заспанное, как и я.

Напившись чаю в горнице, бывало,
Хозяин спит. А нас, бывало так,
Что и заря нередко заставляла
Над книжкой, купленной за пятак.

Потом фронты. Не раз, когда над строем
Летел сигнал тревоги боевой,

Вставало солнце — красное, сырое —
Над мокрою таврической травой.

И мы с размаху стали в крови купали.
Так надо было — мы на то и шли:
Мы пашками дорогу прорубали,
Неся мечту о будущем земли.

И мы пробялись в эту жизнь большую,
Где труд и песня, хлеб да соль в дому.
И если зависть в сердце я и чую,
То только к солнцу одному.

Здоровьем я на батьку не в обиде,
Не знаю, может, до ста доживу,
А солнце, солнце будет вечно видеть,
Растить деревья, поднимать траву.

* * *

За селом сипел далёкий лес.
Рожь качалась, колос созревал.
Молодой будёновский боец
У межи девчонку целовал.
Был у парня залихватский чуб,
На губе — мальчишеский пушок.
Звал горнист... Но парню хорошо,
И девчонке этот парень люб.
Целовал он в жизни первый раз.
В поле — сень да рожь со всех сторон.
Он ушёл — и полем через час
Поскакал в атаку эскадрон...

Полушалонок от росы промок.
У девчонки в горле слёз комок.
Парень пулей срезан наповал...
Рожь качалась. Колос созревал.

Шли года.

Подумай над строкой,
Незнакомый друг мой дорогой.

Ведь тебе всего лишь двадцать лет,
И в стране тебя счастливей нет.
Светят звёзды, город спом повит,
Ты влюблён, ты обо всём забыл,
А быть может, счастлив ты в любви
Потому, что он недолюбил.

1937

* * *

Если девушку полюбишь,
С ней полюбишь заодно
Дом её; скамейку в клубе,
Где сидел с ней, помнить будешь;
В сотне окон не забудешь
Отыскать её окно.

1934

32591.

ПО ДОРОГЕ В СОВХОЗ

Сады притихли. Туча
Идёт, темна, светла.
Двух путников дорога
Далёко увела.
Проходит мимо яблонь,
Смородины густой
С попутчицей случайной
Учитель молодой.
Не зная, кто такая,
Он полпути молчал
И тросточкой таловой
По яблоням стучал.
Потом разговорились.
Но, подступив стеной,
Дождь зашумел по листьям
И хлынул проливной.
Они под клён свернули.
Его листва густа,
Но падает сквозь листья
Тяжёлая вода.
Накрылись с головою
Они одним плащом.

И девушка прижалась
К его груди плечом...
Идёт в район машина.
Водителю смешно:
Стоят, накрывшись, двое,
А дождь прошёл давно.

1939

Б Е Р Ё З К А

Её к земле стивает ливень
Почти пагую, а она
Рванётся, глянет - молчаливо,
И дождь уймётся у окна.

И в непроглядный зимний вечер,
В победу веря наперёд,
Её буран берёт за плечи,
За руки белые берёт.

Но, тонкую её ломая,
Из силы выбьются... Она,
Видать, характером прямая,
Кому-то третьему верна.

1937

* * *

Русый ветер, какой ты счастливый!
Эх ты, ветрена голова!
У тебя для берёзки, для ивы
Одинаково нежны слова.

Русый ветер, какой ты счастливый!
А вот я, словно кто приковал:
Об одной, о далекой, красивой,
Сколько лет тосковал!

1926

П Р И М Е Т А

В одной рубашке дрожь берёт.
Слышал, примета есть в народе:
Когда черёмуха цветёт,
Холодный ветер на свободе.

Пора домой. Но в ясный вечер
Нам хорошо сидеть одним.
О, эти худенькие плечи
Под синим пиджаком моим!

Поди и звёзды понимают,
Что нас обоих дрожь берёт.
Но так всегда бывает в мае,
Когда черёмуха цветёт.

1938

* * *

Вечерний свет звезды
Мерцает в вышине.
Задумались сады,
И стало грустно мне.

Он здесь, в моём окне,
Звезды далёкой свет,
Но он бежал ко мне
Сто сорок тысяч лет.

А вам езды-то час,
И долго ли собратья,
А нет, чтоб догадаться
Прпехать вот сейчас.

1938

* * *

Что листья падают, что ночь светла,
Запомню и вовек не пожалею
О том, что нас далёко завела
Кленовая сентябрьская аллея.

Сидим одни, обнявшись, под луной,
Но всё длинней косые тени клёнов.
Луна спешит: на целый шар земной
Она одна,— одна на всех влюблённых.

1939

У МОРЯ

Знаю я, как волны с камнем спорят.
У сырых голубоватых скал
Повстречал я девушку у моря:
— Хорошо здесь! — только и сказал.
Долго мы на берегу стояли.
Под вечер она опять пришла.
Круглобокий колыбался ялик,
На песке лежало три весла.
И легко нам было в разговоре,
Слов особенных я не искал.
Смуглые, забрызганные морем
Маленькие руки целовал.
И сегодня — нет её милее,
Так же всё ладонь её тепла.
Пусть твердят, что и моря мелеют.—
Я не верю, чтоб любовь прошла.

1938

Т Е Б Е

Две липы у окна.
Они родились вместе
Под тёплым ветерком,
И подымались вместе,
И старятся рядком.
И счастливы они.
Но разве знают липы,
Как счастьем дорожить?..
Скажи, ну как могли бы
Мы друг без друга жить?
И в прошлое порой
Мне страшно оглянуться:
Росла ты далеко —
И в жизни так легко
Могли мы разминуться.

1938

Т Е Б Е И З Д А Л Е К А

Спит снеговой Тянь-Шань.
Бледнеет звёздный свет.
В краю Небесных Гор
Легко встречать рассвет.
Поди в Москве сейчас
Ты у окна сидишь,
Не зажигая света,
На звёздный ковш глядишь.
Он — ручкою к Арбату —
У самого окна.
Зачерпнутое небо
Прозрачно в нём до дна.
И я гляжу в окно,
Я видел в эту рань,
Как покотился ковш
За снеговой Тянь-Шань.

1938

ДВЕ ЗВЕЗДЫ

Мне бросились в глаза две ясные звезды.
Их свет струится на дома и на сады.

Дружней не вижу звёзд, чем эти две, — взгляни:
Почти в одну звезду сливаются они.

И я пою — я сам семейный человек —
Их близость нежную, согласие навек.

1939

* * *

Любовью дорожить умеете,
С годами — дорожить вдвойне.
Любовь — не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.

И слякоть будет, и пороша —
Ведь вместе пада жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню не легко сложить.

1939

ЯБЛОНЯ

Она в цвету была —
В весеннем платье белом.
Но ветер платье рвал
И молодое тело
Желанной деловал.

Теперь шептаться ей
В саду с соседкой-сливой.
Но не о чем жалеть!
Ей, тихой и счастливой,
Плодами тяжелеть.

1938

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Тут нужного и не подыщешь слова.
Склонилась мать, от радости светла:
Впервые сын её белоголовый
Прошёл один от стула до стола.

Он вырастет, подымет два крыла,
Но трасса кругосветного полёта,
Быть может, легче будет для пилота,
Чем этот путь — от стула до стола.

1939

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Ни в чём не изменяя быта
И моду старую храня,
В нём с фотографий позабытых
Нам улыбается родня.

Не постарели... что дивиться?
Теперь их время не берёт.
Светловолосую девицу
Жёна прабабушкой зовёт.

Альбом коричневый потрётся,
Зеленоватой станет медь,—
И нам на правнуков придётся
Вот так же с карточек глядеть.
1940

КАЛЕНДАРЬ

Скамейка почернела
От времени в саду.
Давно ль пылила выюга —
Вновь яблони в цвету.
И не замедлит время,
Опять подует снег.
Спохватишься — седеешь,
Намного убыл век.
А всё торопишь время,
Как будто на пути
Оно мешает в жизни
До главного дойти.
Жалеешь, что не третье,
А первое число,
Что сад не цветом яблонь,
А снегом занесло.

1930

ВЕСЕННЕЕ

В заморозки выстояв почвами,
Апрель под небом голубым
Грянул сними ручьями
И промчался во крутым
Ровчакам, размытым где-то,—
Только — ночь глядит в пруды,
Только — след, ведущий в лето,
Только — смех да капли с вёсел,
Да звезда в воде дрожит...
Только жаль — всё меньше вёсен
Остаётся мне прожить.

1936

ДВЕ ДАТЫ

Я знаю — смерть придёт, не разминуться с ней,
Две даты наберут под карточкой моей,

И краткое тире, что их соединит,
В какой-то миллиметр всю жизнь мою вместит.

Что ж, если ты мне друг, у гроба повтори,
Что, мол, ни в чём длиннот не выносил старик.

1939

* * *

Пускай умру, пускай летят года,
Пускай я прахом стану навсегда.

Полями девушка пойдёт босая.
Я встрепенусь, преодолая тлен,
Горячей пылью ног её касаясь,
Ромашкою пропахших до колен.

1940

Пчела кружилась над цветком,
Сбирая хоботком
Добычу трудную свою,
Что станет всем сладка.
Но отшумел в степи июнь —
Недолгий век цветка.
И жизнь твоя, как ни долга,
Пройдёт, как век цветка.
Но так ли песню нам сложить,
На том ли кончить нам,
Когда народу вечно жать
И вечно жить цветам.

1937

* * *

Была недолгой жизнь цветка.
Давно покошены луга.
Зима. Метелица метёт,
Буря влетает в сени,
Но аромат цветка живёт
В сухом колхозном сене.
Струёй парного молока
Звенит степная жизнь цветка.
И если песня хороша,
Любую тропь строку,—
Пусть вьюги всё запорошат,
И в песне жить цветку.

1938

МИЧУРИН

Пригнула ветки вишен
Тяжёлая роса.
Больной, ругая старость,
Мичурин входит в сад.
Черешня и рябина,
Смыкая листьев круг,
Касаются ветвями
Его хозяйских рук.
И он шагает — снова,
Как будто молодой,
Он к яблоне подходит,
К «Китайке золотой»...
В саду порошей белой
Июнь пылы в лицо.
Из семечка гибрида
Пробилось дерево.
Оно росло, мужало,
Цвело, роняло цвет
И яблонею стало,
Которой — сорок лет,
Которая в народе
Прославилась давно.

Бё родней полмира
Уже заселено...

Он в руки взял природу,
Запальчивый, живой.
Сады на всех широтах
О нём шумят листвою.
Но не успел одну он
Осуществить мечту:
Он яблоко на старости
Хотел взрастить в саду,
В котором удалось бы
Открыть такой секрет,
Чтоб, яблока отведав,
Прожить ещё сто лет.

1938

* * *

Мне кажется порой, что я
Вот так и буду жить и жить на свете...
Как тронет смерть, когда кругом — друзья,
Когда трава, и облака, и ветер —
Всё до пылинки — это жизнь моя.

1938

О СНЕЖИНКЕ

Начало пятого, но мне не спится.
Мутнеет выюга, ночь летит в рассвет.
Земля, как заведённая, вертится...
Пройдёт и сто и десять тысяч лет,
И дальний век (мы и о нём мечтали)
Всё так же станет выюгами трубить.
В той, даже мыслям недоступной, дали
Хотел бы я хотя б снежинкой быть,
Чтоб, над землёю с ветром пролетая,
На жизнь тогдашнюю хоть раз взглянуть,
Пушинкою над тополем порхнуть
И у ребёнка на щеке растаять.

1938

РАЗГОВОР С ГЕОЛОГОМ

Геолог мне сказал:

— Хоть точности здесь нет,

Считают, что земле

Два миллиарда лет.

Но звёзды и планеты

По-своему живут,

И детским этот возраст

Учёные зовут.

— Что ж, рад я за неё!

Надёжней счастья нет —

При коммунизме жить

Уж с самых детских лет.

1938

. . .

Когда на свете не было меня,
Я и тогда существовал на свете
В росинке, в прахе, в яблоневом цвете.
Да мне и солнце кровная родня.
В своих щедротах расточая пыл,
Горит, сияет гордое светило.
Никто не высчитал, когда так было,
Но я одной туманностью с ним был.
И каждый куст мне шепчет в тишине,
И каждый тополь — в предрассветной дрожи,
Что я не сорок лет на свете прожил,
А столько, сколько звёзды в вышине.

Май 1943

ТУРИСТЫ

Холодным звёздным светом
Вся залита земля.
Мы в путь уходим летом,
Дорогами пыли.
Широк простор пшеничный.
В росе видны следы.
Краснеют спелой вишней
Колхозные сады...
До самых туч над лесом
Ущелья высота,
И отдаёт железом
В источнике вода.
И путник пьёт за лето,
За север и за юг,
За дождь и снег на Млечах,
За родину свою.
Он кружку жестяную
Опорожняет враз
За ясность ледяную
Твоих вершин, Кавказ.

1946

ПАПАНИЦЫ

Белы сугробы. Солнце светит.
Прошла метель — и на дворе
В папанинцев играют дети.
И всё попятно детворе:
Хоть полюс и далёко где-то,
Но и над полюсом, вот так,
Как над крылечком сельсовета,
Чуть полшляпыи бьётся флаг.
1938

* * *

Ещё скупа земля якута.
Но он увидит край в цвету
И от мороза будет кутать
Босые яблони в саду.

1940

В БЛИЗИ ЭЛЬБРУСА

Такого воздуха б глоток!
Он разрежён и весь промыт.
Поднялся всадник на плато.
Тропа ведёт на Бермамыт.
Она ведёт на летний кош.
Перед дождём болит нога.
От низких ливней с ледников
Сочней альпийские луга.
Рябые камешки в ручьях
Хоть сосчитай. Во мху скала.
У горцев бурки на плечах —
Недвижные колокола.
Эльбрус высок. Слепшит глаза.
В небесных искрах лёд и снег.
Как равный равному в глаза
Глядят гора и человек.

1959

чу

Он вот, передо мною,
 Киргизии простор.
 Глазами не охватишь
 Хребты Небесных Гор.
 И с этих гор, где скалы
 Стоят плечо к плечу,
 Несётся голубая,
 Вся всененная Чу.
 В камнях сырых ущелий,
 Как снег, её оскал.
 Она в песок стирает
 Косые рёбра скал.
 Но не приблизилась речка
 Всей яростью струи
 Ни к морю за барханы,
 Ни к водам Сыр-Дарьи.
 Она сильна, и горы
 За нею высоки,
 Но вышьяют сизу
 Сыпучие пески.
 Жестка, суха пустыня
 Горячая щека,--

И высыхает речка
В литых солончаках.
Киргизия, вот так же
И жизнь твоя текла.
Ты к волнам вольной жизни
Пробиться не могла.
Не радовалось сердце
Кипенью горных рек,
Пока с рекой Советов
Ты не сплелась навек.

1938

У Л У Г - Х Е М

Он холодный бьётся у причала,
Катит воды светлые вперёд,
В ледниках, снегах своё начало
Ручейками сплыми берёт.

В поднебесных скалах Удегепа
Первой струйке капля дорога.
Та земля вовек благословенна,
Где такая родилась река.

Енисей! Он и в Сибири тот же,
Непокорный, яростный, как здесь,
Где на камешных порогах Тоджи
Он ревет и скачет в пене весь.

Уж на что, казалось бы, Саяны
Встали неприступны впереди,
Он и здесь пробился к океану,
Не свернул со своего пути.

Были мглысты северные дали.
В Туруханском сумрачном краю

Выверял не по нему ли Сталин
Волю непреклонную свою?

В синих грядках, скалах пещерных
Еще он раздвинул берега,
И его называли по-тувински:
Улуг-Хем — Великая Река.

Февраль 1943

ДЕПУТАТКА

Как ни тёмел был прежний твой мир,
Как ни много прожито лет,
На стоянке Орта-Саир
Я нашёл твоей жизни след.
Я по следу итти готов.
Это ты пастушкой стоишь.
Горький запах тувинских цветов
На руках загубелых твоих.
И травинки и камни меля,
Катит время годов колесо.
Словно Азии древней земля,
Всё в морщинах твоё лицо.
Сколько зим завирuhi мели!
И долины двели сколько раз!
Исходила ты много земли.
Чтоб взойти на трибуну сейчас.
И народной правде твоей
Рукоплещет Великий Хурал...
Как цветы синих гор и степей,
Я слова о тебе собирал.

Декабрь 1942

Х У Р Г У Л Е К

Не названья тувинских рек
И не гор названья, как бывает,
Золотое имя Хургулек
Я друзьям в России называю.

В бедной юрте выросла, проста,
Только голос — не слышал прежде:
Над Кызылом неба чистота
Перед чистотой его бледнеет.

Тоненькая, песенки свои
Запоёт она — и зал послушен.
Если б там водились соловьи,
Их бы рядом с ней никто не слушал.

Потому-то не названья рек
И не гор названья, как бывает,
Золотое имя Хургулек
Я друзьям в России называю.

Февраль 1943

ТАШКЕНТСКИЙ СКОРЫЙ

Там, позади — кшлаки и горы,
Саманные домики в жёлтых песках.
Мелькают разъезды.
Ташкентский скорый
Огнями летит в оренбургских снегах.
В казахских степях наглотавшись мороза,
Он радуется промелькнувшей сосне.
Течёт по горячему лбу паровоза
Чёрный от копоти талый снег.
Вьюга железный лижет след,
И сыплет, и сыплет колёсами поезд...
И что бы, казалось, пладкартный билет?
А это — целая повесть.
А повесть — то в грохот, то в шопот и сон,
И слушай сквозь сон остановок пазванья.
Мосты потрясённые, горизонт
И... расставанья.

В СУРАХАНАХ

Был путь по нефтепромыслам недолог,
Верней — казалось так. Простились мы.
Меня влюбила девушка-геолог
В снись сураханскую, где вышки да холмы.

С холма на холм. от вышки к вышке шли мы,
И в памяти останется моей,
От чёрных промыслов неотделимый,
Армянский девичий разлёт бровей.

1940

НА АЭРОДРОМЕ

Ф. С. Барышникову

Аэродром живёт, гудит с утра.
Ему шлёт небо о погоде весть.
Тугих пропеллеров ветра
Его продули до травники весь.
Слетелась, кажется, со всех планет.
Аэродром с полёта оглинн —
Тут самолётам счёту нет,
Закружи землю крыльями они.
А небо майской чистоты над ним,
И заодно с приволжскою весной
Здесь все предметы бредят им,
Промыто всё его голубизной.
И я опять не им ли вдохновлём?
Шу, земные хлопоты забыв.
Кто в это небо не влюблён,
Тот никогда и землю не любил.
Май 1942

ЗЕМЛЯ С ВЫСОТЫ

Такое видишь и во сне не часто.
Во все глаза гляжу на белый свет.
Земля открылась километров на сто —
Огромной карты глиняный макет.
Плывёт над редесными облаками
Спокойный четырёхмоторный гром.
Земля, возделанная нашими руками,
Нет-нет, и покачнётся под крылом.
Давно мечтал я видеть эти дали,
Взглянуть на землю с этой высоты,
Не мелочи, не частные детали, —
Увидеть главные её черты.
И вот дивлюсь — какой размах и смелость!
Такое с чем сравнишь по широте!
Но есть какая-то окаменелость
В величественной этой красоте.
И понял я, что землю молодую,
За много лет искожепную мной,
Родную нашу землю обжитую
Люблю во всей подробности земной.

1939

СНЕГОТОПКА

Последний снег вывозят,
Счищают корки льда.
Сбегает в водостоки
Апрельская вода.

И, помогая солнцу,
Воде, что точит лёд,
Пылает снеготопка
Неделю напролёт.

Спит в лужах небо.
Стараюсь обходить —
Галошами боюсь
На небе наследить.

У снеготопки парни
Хлопочут день и ночь.
Весна придёт скорее,
Когда весне помочь.

Апрель 1941

НА ПАРТКОМЕ

Ещё и на парткоме так
Сидеть случается, друзья:
Заметишь дома, сняв пальто,
Что ты прокурен до белья.

На улице весна давно,
Дождём обрызгана трава,
А тут ещё зима в правах...
Но секретарь рванул окно,—

И ветки бросилсь к рукам.
К его горячему лицу.
Гул самолётов, детский гам,
Землёй пахнуло, как в лесу.

Земля от лбони бела,
И годы впереди ясны.
Решать партийные дела
Нельзя, не чувствуя весны.

1938

СОЛНЦЕ

Открыл окно. Вдруг что-то ослепило.
От стёклышка мне глаз не отвести.
Его втоптали в глину каблуками,
Но луч коснулся — и оно блестит:
Не стёклышко, а солнце под ногами.

Я знаю, солнце тем и велико,
Что свет его на всё: вои заблестела
Жестянка в мусоре, сверкнула медь.
Всё, всё, что только может заблестеть,
Оно старается с собою равным сделать.

1938

СОЛОВЕЙ

М. С. Пстеровых

Где березняк рябой и редкий,
Где тает дымка лозняка,
Он, серепский, сидит на ветке
И держит в клюве червяка.

Но это он, простой, невзрачный,
Озябший ночью от росы,
Заворожит посёлок дачный
У пригородной полосы.

1940

ПОДСОЛНУХ

Подсолнуху от ливня
Не скрыться нигде:
В грязи увязли ноги,
Меж грядками вода.

Веснуцатый и рыжий,
Стоит он в картузе.
Зачем сбегит он с грядки,
Когда он рад грозе?

1938

* * *

Лил дождь — и сверкает асфальта река,
Широка, глубока.

И кажутся лодками автомобили.
Огни, как водоросли в глубине,
Где спугнутые заходят
Красные рыбы на дне.

1933

В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Идёт троллейбус возле клёнов.
Льёт дождь, шумит вода везде.
К стеклу прилип листок зелёный.
Деревья тончутся в воде.

Прямой, прохожих не щадя,
Дождь припустил ещё сильнее..
Всё в каплях светлого дождя,
Стекло троллейбуса спешет.

И можно ль не принять участия
И ливня не желать земле!
На город, как сквозь слёзы счастья.
Гляжу сквозь капли на стекле.

193,

М О Я К О М Н А Т А

На окна комнаты моей ты смотришь снизу.
Высоко? Что ж, тем комната и дорога.
Она у самого карниза,
Где голуби да облака.

Светла — в ней солнца луч задепет
Мельчайшую соринку на полу,
И пролетают самолётов тени
По книжным полкам, по столу.

Ищите комнату мою, моё жильё
У голубой небесной кручи.
Над городом проходят тучи,
Касаясь подоконников её.

Апрель 1941

ЧЕШУЙЧАТОЕ ДЕРЕВО

Конечно, любопытно,
Как дерево росло:
На зыбкой, первобытной
Земле оно цвело.
Ему вода грозила
И гром палил огнём.
Земли и солнца спла
В одно сливался в пём.
В болоте неглубоком,
Средь древовидных трав,
О ствол чесался боком
Детёныш-динозавр...
Пласт угля, чёрный, крепкий...
Кто знает, сколько лет
Окаменевшей ветки
На пём хранится след?
Ты сядешь с книгой в кресло,
Забудешь свист пурги.
Пусть дерево исчезло,
Как множество других,
Пусть жизнь не повторится,
Но комната светла,
И, может, есть частичка
В ней и его тепла.

1940

НА БУЛЬВАРЕ

Летит с деревьев на плечо
Морозный пенел. Ночь какая!
И с телескопом старичок
В очках похож на поугая.

Другой спешит согреться где бы,
А он, не знающий простуд,
Распродаёт прохожим небо —
По гривеишку за звезду.

1936

С Т А К А Н

По чёрным стенам тень бежит от света,
И стеклодуву руки обожгло.
Красно, как неостывшая планета,
Стакана раскалённое стекло.

Потом стакан остудит, отшлифуют,
На цвет, на звон проверят — и тогда
Вы зачерните воду ключевую,
И будет он прозрачен, как вода.

1940

О СЕБЕ

В студёных брызгах весь,
Сверкает умывальник белизною.
Приятны солнца утренняя весть
И полотенце свежестью льбяною.

Не так уж плох наш коммунальный дом,
Когда войдёшь с мороза, с лютой вьюги.
Жильё и вещи созданы трудом —
И для меня тут постарались люди.

Они работали и для меня,
Когда хлеб селили, тесали камни.
И всё на мне — до пряжки у ремня —
Внимательными сделано рукам.

И потому, когда иду строку,
А город бьётся в камне и железе,
Я о себе не думать не могу:
Что сделал я? Чем людям я полезен?

1940

* * *

К тебе идут твоих стихов герои,—
Идут из шахт, с зимовок, с новостроек.—
И нужным словом ты встречаешь их.
Когда-то вместе мокли под дождём.
Они из жизни просто входят в стих,
Как наши близкие к нам входят в дом.
Ты рад до слёз чернявым, белобрысым.
Глядишь в глаза им сквозь табачный дым,
И в чём себе порой бы не открылся,
Расскажешь всё, всё выболтаешь им.

1936

ЗЕРНО

В гробнице найдено зерно
Сухой египетской пшеницы.
Тысячелетия оно
Лежало в каменной гробнице.
На солнце вынесли его
И в землю бросили. И вот
Поднялся колос золотой,
Зерном тяжёлым палитой.

Нас время судит без уловок.
Что будет через сотню лет,
Когда отыщут наше слово
И так же вынесут на свет?

1938

БИОГРАФИЯ РЕЧКИ РЫБИЧКИ¹

Рыбичкой звали тебя.
Сквозь века
Несла ты название своё.
В тебе отражались
Камыш, облака,
Стрелецкий кафтан и ружьё.
В тебе молодницы мочили холсты,
Вьюнов головастых ловили дети.
Вчера под землёй, размывая грунты,
Ты вырвалась шовь из столетий,
Ты в папу шитольню направила бег,
Выбив подпорки ребро.
Тебя в бетон одел человек
И положил над тоннелем метро.
Ты будешь катиться через него
В звонкое завтрашнее столетье,
Хоть, может, названия твоего
Больше никто не встретит.

1934

¹ Подземная речка в Москве.

ВОЗМОЖНЫЙ СЛУЧАЙ
В ПОЕЗДЕ МЕТРО

В сорок пятом, в сорок третьем
Иль в другом каком году
Два дружка друг друга встретят,
Встретят, взглянут... и пройдут.
В этом память — не порука
В наши забытые дни.
Что-то вспомнит, но друг друга,
Поседевшие, они
Не припомнят, не узнают,
Только рядом посидят.
Пять перронов просияют,
Пять пролётов пролетят.
Будет мчаться светлый поезд
Из подземной глубины,
Где дружки в воде по пояс
Проходили пловуны.
Шли они в забое рядом,
Штольную трудную вел.
Кто-нибудь из них под взглядом
Бровью чуть пошевелит.

Но друг друга не узнают,
Только рядом посидят.
Пять перропов просияют,
Пять пролётов пролетят.

1934

ПЕРВЫЙ МОСКВИЧ

Стоял он у обрыва,
У самой встречи рек.
Казалось, будто рекам
Дивился человек.

Вода бежала в красных
Размытых берегах.
У суздальского князя
Он числился в бегах.

Он ставил сруб, усталый
Ложился слушать бор,
Кладя в траву сырую
Под голову топор.

И светлой ночью снилось,
Что тут, где шум сосны,
Поднялся Кремль зубчатый,—
А предок верил в сны.

Он в сон, как в явь, поверил.
В тот вечерний светлый час

Сквозь мрак восьми столетий
Он, может, видел нас.

Трава росой блестела,
Светела синева.
Щепой сосновой пахло...
Так началась Москва.

1939

БАШЕННЫЙ КРАН

В квадратах окон, в крестовинах рам
На стройке дома не видать рабочих,
И кажется: ломая спину, кран
Один работает с утра до ночи.

Он, разгибаясь, вертит на весу
В четыре тонны каменные блоки,
Не думая: «А вдруг не допесу?»
От тяжести похрустывают локти.

За ним механик издали следит,
Его тяжёлую работу хвалит.
В кабине башни девушка сидит,
Спокойно руку держит на штурвале.

Вся худенькая, тонкий голосок,
Играет солнце в желтизне гребёнок,
Но кран, как ни силён, как ни высок,
Её он слушается, как ребёнок.

1940

ВСТУПЛЕНИЕ В ЧЕРТКОВ

Идут машины по дорогам тесным.
Поблёскивают танки в стороне.
Сентябрьский дождь струится по броне,
И даже дождь нам кажется железным.

Мы входим в город: с тротуарных плит
Сбегают шумная вода, цветами
Встречают нас, и радуга над нами,
Как арка триумфальная, стоит.

Над вольною землёй вознесена —
Над городом, над шляхом, над бойцами,
И где-то за зелёными лесами
В Карпаты упирается она.

1939

Здесь было горе горькое бездонным,
Нуждой пехожен невесёлый шлях,
Где каменные польские мадонны
С младенцами грудными на руках.

Они глядели в сельские просторы,
Где за сохой крошился тощий пласт,—
Единственные матери, которым
Слезами горе не мутило глаз.

1939

У МОГИЛЫ БОЙЦА

Затих печальный звон лопат.
Земную не оспорить силу.
Засыплют листья у Карпат
Красноармейскую могилу.

Она осядет от дождей,
От снега в ледяные ночи.
Зеленоватую на ней
Стальную каску ржа источит.

А если это так — должна
Хоть песня с временем поспорить,
Как боевой клинок в ножнах,
Как эта синева предгорий.

1939

О ЗАЙЧОНКЕ

Зайчонку нет мплей лесного шума,
И он утёк, мелькая пад травой.
Но он трусника: я стрелять не думал,
Стою, люблюсь шустростью такой.
Встречая солнце, курослеп и кашка
Росу студёную по капле пьют.
Я рад зайчонку, крошечным букашкам,
Цветам весёлым, что они живут.
Неспелых яблок каменная тяжесть
Согнула яблоню в росе, в тени,—
И мне помочь ей хочется. Ведь даже
Травнике смятой я скажу: тянись!
Тянись! Живи!.. И вот о человеке.
Он где б ни рос, был сладок детский сон.
Жужжали мухи, в стёкла билась ветки,
А зубы прорезались — плакал он.
Его купали, стригли, из рубашек
Он с каждым годом вырастал. И вот
Он стал большим — и курослеп, и кашка,
И яблони приветствуют его.
Ещё бы он собою не гордился:
Он видит солнце, белых яблонь цвет,

И надо было, чтобы он родился,
Земле вертеться миллионы лет.
Вот потому (тут не в зайчонке дело;
Травинка тихая, к ногам ложись)
Я славлю штык, вонзающийся в тело,
Которое нам заслоляет жизнь.

1937

ТАНКИ В КОЛХОЗЕ

За огородом дедушки Тараса
Остановился танковый отряд.
Сбежались дети, приумоляли сразу,
Босые, загорелые стоят.

Тарасов правнук, без штанов, но важен,
Госять котёнка бросил во дворе.
Из бронированных вылезят башен
И прыгают танкисты к детворе.

Стирают светлые росники пота
И припадают к ковпику с водой,
Как будто, до заката проработав,
Они вернулись с пахоты домой.

1938

22 ИЮНЯ 1941 г.

Казалось, было холодно цветам,
И от росы они слегка поблели.
Зарю, что шла по травам и кустам,
Обшарили немецкие бинокли.

Цветок в росинках весь к цветку приник,
И пограничник протянул к ним руки,
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
Влезали в танки, закрывали люки...

Такою всё дышало тишиной,
Что вся земля ещё спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
Всего каких-то пять минут осталось?

Я о другом не шел бы ни о чём,
А славил бы всю жизнь свою дорогу,
Когда б армейским скромным трубачом
Я эти пять минут играл тревогу.

Июнь 1943

Л Е Н И Н

Из бронзы Ленин... Тополя в пыли.
Развалины сожжённого квартала.
Враги в советский городок вошли
И статую низвергли с пьедестала.

Полковник щёголь был заметно рад,
Что с памятником справился так скоро,—
И щёлкал долго фотоаппарат
Услужливого фоторепортёра.

Полковник ночью хвастал, выпивал,
А на рассвете задрожал от страха:
Как прежде, памятник в саду стоял,
Незримой силой поднятый из праха.

Заторопились офицеры вдруг:
Неясные вдали мелькали тени.
То партизаны, замыкая круг,
Шли на врага. И вёл их Ленин.

Август 1941

Б О Е Ц С А Д О Х А

Закрыв тяжёлые ворота,
Посты расставив во дворе,
Под Новгородом немцев рота,
Разувшись, спит в монастыре.
Но стёкла вышибло гранатой.
Старинный монастырь оглох.
За белой каменной оградой
Сбивает с ног перенолох.
Рвут в клочья темноту гранаты,
Святую месть огнём творя.
Бегут немецкие солдаты
Из женского монастыря.
А выход из ограды узкий,
И, чтобы немцу не уйти,
Стоит, как витязь древнерусский,
Боец Садоха на пути.
И штык его четырёхгранный
До самого ствола в крови.
Ты этот штык и подвиг бранный
Запомни и благослови.
Сентябрь 1941

П О Е Д И Н О К

Из камня высекут — и на века
Остается с гранатою рука.

Танк всё сминает на своём пути,
Но встал боец — и танку не пройти.

Рванулось пламя красное под ним,
Танк зарычал, оделся в чёрный дым,

А в серой каске русский паренёк
Стёр пот со лба. Горячий был денёк.

Июль 1942

ФРОНТОВОЕ ШОССЕ

Б. Бялик

Гудят машины, тягачи грохочут,
Земля похрустывает на зубах,
И у изрытых бомбами обочин
Бензином, пылью каждый куст пропах.

Идут цистерны, танки,
Конный, пеший —
Прошли полки, дивизии прошли.
Не шевельнется лист отяжелевший —
Ему, как в шубе, тяжело в пыли.

Ещё трудны недели фронтовые.
Шоссе скрежещет, лязгает. Оно
Ведёт не просто на передовые —
Оно к победе всё устремлено.

Август 1941

НОВГОРОДУ

Стоит великих предков город,
Москве старинная родня.
Прохлада каменных соборов
От гулких стен шла на меня.
Мы не забыли, не забыли
Тебя, наш город фронтовой,
Как танки, белые от пыли,
Шли по бульжиной мостовой,
Как со стеной кремлёвской рядом
Метался дым в пустом окне —
Ты от фугасок и снарядов
В багровом умирал огне.
Но жить тебе Руси на благо,
Восстав из пепла и огня,
Бессмертным нашим красным флагом
Златые главы осея.

1942

СПОР

Овёс, пшекица и ячмень
Заспорили в июльский день.

Наохлил пёрышки овёс:
«Кто на войне из нас важней?
При солнце и при свете звёзд
Мне горячить в бою коней.
Бойцов спросите — скажут все,
Что сила конская в овсе».

Твердит пшеница: «Кто не слеп,
Тот знает — я права вдвойне:
Бывает так, что в сумке хлеб
Всего важнее, на войне».

Качает головой ячмень:
«А чем же, кончив восвать,
Победу будут запивать?
Не обойтись без ячменя:
Чтоб веселее был тот день,
Наварят пива из меня».

1939

ПЕРЕД БОЕМ

Савве Говбергу

На землянках прошлогодних
Пршлогодняя листва.
Дождик льёт и льёт сегодня,
Мокнет жёсткая трава.

Под ветвями мокнут танки
На исходном рубеже,
И вода в консервной банке
Плещется на блиндаже.

Ручейки текут с орудий
По брезентовым чехлам.
Кто не трус — увидят люди
И оцелят по делам.

Тяжела ты, фронтовая
Грязь на мокрых сапогах,
Но живём не унывая,—
Нам такими жить в веках.

Июнь 1942

О С Е Н Ь

Кончен с августом расчёт,
И дожди не ждут указок.
Серая вода течёт
Струйками с зелёных касок.

От дождя звенит в ушах,
И хотя не замечаем,
Осень с нами в блиндажах
Греется горячим чаем.

А когда пойдём мы в бой
И «ура» па поле грянет,
Даже осени — и той
В рукопашном жарко станет.

Сентябрь 1941

В ЗАСАДЕ

Под мокрым небом яблони озябли.
В саду засада наша. Враг — вблизи.
Свой танк мы врыли между старых яблонь,
И он весь в листьях жёлтых и в грязи.

Ещё страшнее будет он, упорней,
Ещё тесней полягут немцы тут
За то, что яблоням мы подрубили корни
И что весной они не расцветут.

Декабрь 1943

ПАРТИЗАНКА

Убили партизанку на рассвете.
Две ночи длились пытки и допрос.
Прощаясь, трогал подмосковный ветер
На лбу девическую прядь волос.

Исколотую прусскими штыками,
В разрушенном селещи, на краю,
Мы подняли солдатскими руками,
Россия, дочь любимую твою.

В снежниках всю, её мы положили
В пазбе просторной посреди села.
Ещё о ней мы песен не сложили,
А жизнь её — вся песнею была.

Март 1942

• * •

Вбежала в небо красная ракета,
И не успела в небе догореть —
Ударил зенитка где-то,
Потом ещё... И начало греметь.

И воздух, потрясённый громом долгим,
То тут, то там сверкает над Москвой.
В полночном небе звёзды да осколки,
В домах — по радио — сирены вой.

Москва насторожилась, стала строже
Домам, тёмной пустотой дворов,
Но даже не ускорила шаг прохожий
Под ливнем голубых прожекторов.

Не знаю — кто он: академик? Слесарь?
Но я в одном с ним городе живу,
И знаю я — он в руки брал железо,
Железом, рвами окружил Москву.

Он тем же шагом мерил мостовые
И в тьме октябрьских памятных почей.
В те почы, может быть, Москва впервые
Узнала настоящих москвичей.

Март 1942

МОСКВА ЗАТЕМНЕНА

В пасторожённом городе темно,
Навстречу светом не блещёт окно.

Ну что ж, пускай Москва затемнена,
Пускай огни зажжём ещё не скоро,—
И затемнённая, она
На свете самый светлый город.

Январь 1942

* * *

Поезд в полночь уходил на фронт.
Нежных слов ты мне не досказала.
Вспомнишь ли сегодня тот перрон
Затемнённого вокзала?

Я, обняв тебя, глядел в глаза.
Новые ремни на мне скрипели.
Да, друг другу многого сказать
За двенадцать лет мы не успели.
Июнь 1942

* * *

Весна придёт — её известны сроки,—
Придёт обыкновенно, как всегда,
И фронтовые ржавые дороги
Источит синяя апрельская вода.

Пусть всё сильнее бои гремят, сверкают
Над снежной мартовской голубизной,
Смешно подумать: немцы нас пугают,
Пугают нашей русской весной.

А нам вдыхать её простор и запах,
Ловить глазами солнечную нить.
У солнца путь и путь у нас — на запад,
И этого пути не изменить.

1942

Опять весна пад русскими полями.
Ты писем ждёшь, недели торопя.
Их много с фронтовыми штемпелями
Скопилось за два года у тебя.

Пусть у писем далека дорога,
От обжитых землянок фронтовых,
Но эти письма я руками трогал,
И ты, читая, будешь трогать их.

Апрель 1943

* * *

Весенний дождь хлестал кусты,
И над землянкой ветер злился.
Мне этой ночью снилась ты,
И городок далёкий снился.

В какой бы ни был стороне,
Какой бы ни свистел мне ветер,—
Не надо больше счастья мне,
Чем то, что ты живёшь на свете.

1942

* * *

Хорошая, любимая, родная,
Мы друг от друга далеко живём.
Гляжу на карточку — припоминаю:
Как раз перед войной снялся вдвоём.

Словами паша речь красна, богата,
И есть слова, что в бой полки ведут,
С которыми, сжав пальцы на гранатах,
Идут на подвиги, на смерть идут.

Война шумит у нас над головами,
Но нас не разучила и война
Хранить в сердцах с великими словами
Простые наших милых имена.

Апрель 1942

1917—1942

На четверть века стал старше век,
Но не забыл я день в октябрьском гrome,
Неву и мокрый петроградский снег,
И стёкла, выбитые в сером доме.
Плакаты, кампц, кровь на мостовой —
Всё утверждало: в будущее верьте!
И знамя реяло над головой,
Овеянное Ленина бессмертьем...

Вся в шрамах родина. Ревёт металл,
Встаёт железа и огня ограда,
Как будто бой октябрьский не стихал
До этих дымных дней у Сталинграда.
Как и тогда, мы проливаем кровь,
Как и тогда, защитное надели,
Чтоб счастье вновь нашло наш мирный кров
И радость встала к детской колыбели.

Ноябрь 1942

* * *

Пусть войной земля оглушена,
Будет десь — наступит тишина.

Обойдёт она хлеба и травы,
И твоё благословит жильё.
Но мечтать о ней имеет право
Только тот, кто бьётся за неё,
Кто трудом сжигает дни и ночи,
Принимая тяготы войны,
Кто, покуда смертный бой грохочет,
Ищет боя, а не тишины.

Ноябрь 1942

УХОДИТ СТАРЫЙ ГОД

Простясь со старым, новый год мы встретим.
Уж не часам — идёт минутам счёт.
Снежинки, те, что в воздухе ещё,
Земли коснутся в сорок третьем.

Уходит старый год п сед, п мглст,
Не знавший усталл в труде, в походе —
Последние минуты на исходе.
А новый — весь, как члстый лнст.

Его снежком ещё не порошнло,
В нём человек ни разу не ступал
И ни один убитый не ушал —
В нём ничего ещё не совершнлось.

А многое свершнться в нём должно!..

Декабрь 1942

ЛЕЙТЕНАНТ

Лежит в кармане пазначеньё
Туда, где не смолкает бой.
Он дверь училища с волнением
Закрывает сегодня за собой.

Похрустывает португеза,
Заправленная под погон.
Довольный, но чуть-чуть робея,
В гвардейский полк приедет он.

Он должен быть отцом солдату,
Но, может статься, тот солдат
Давно женатый и усатый,
А он безус и не женат.

Несладко, знает он, в пехоте:
И дождь сечёт, и зной палит,
И гимнастёрку на походе
Он солью тела просолит.

Но хоть он виду не покажет,
Ему приятно, например,

Подумать вдруг, что люди скажут:
— Прошёл пехотный офицер.

Он примет взвод, а может роту.
Он не гостить приедет в полк:
Он с ним пройдёт огонь и воду,
Износит много пар сапог.

Где вёл в атаку, где был рапел
И города какие брал,—
Потом рассказывать он станет,
Уж поседевший генерал.

Июль 1943

П Е Р Е Д Н И Й К Р А Й

Лицо иссечено до боли мокрым ветром,
Под сапогами чавкает вода.
Ночь за Днепром — на сотни километров
Дождём сочащаяся темнота.

Вдруг светом нестерпимо белым, ярким
Хлестнуло по глазам до слезоты.
От сотни фар, как от электросварки,
Белы, мертвы деревья и кусты.

На нас идут, пирокный свет качая,
С рычаньем вырвавшись из темноты,
«Пантеры», «тигры»... Мы уж различаем
В косом луче и башни и кресты.

Но мы лежим без выстрела, без вскрика,
Припав к оружию, команды ждём.
Тут каждый холмик пушками утыкан,
Грозит противотанковым ружьём.

«Тридцатьчетвёрки», прытые у вишев,
«КВ», в стогах укрытые, стоят.

А «тигры» — вот они — всё ближе, ближе...
И тут — команда... Просвистел снаряд —

И засверкало всё, захохотало,
Слилось в один протяжный рёв и вой.
Горячий ветер смерти и металла
Пронесется над самой головой.

В ружейном масле, в ссадинах ладони,
Они в боях натружены, грубы,—
И танки над окнами, как кони,
Встают с предсмертным рёвом на дыбы.

Металл визжит, хрустит, скрежещет тупо,
И грудь на грудь, бронёю на броню,
Старик Урал идёт на немца Крупца,—
И до рассвета бушевать огню.

Землёю пахнет и железом жжёным.
Гордых «тигров» хорошо считать!
Ни полвершка земли освобождённой
Назад врагу не можем мы отдать!

Ведь тут передний край — не батальона,
И не дивизия, ты это знай! —
Тут будущего, битвой озарённый,
Тут счастья нашего передний край!

Декабрь 1943

ПОТОМКАМ

Вас нет ещё: вы — воздух, глина, свет,
О вас, далёких, лишь гадать могли мы,—
Но перед вами нам держать ответ,
Потомки, вы от нас не делимы.

Был труден бой. Казались нам не раз
Незащищёнными столетий дали.
Когда враги гранатой били в нас,
То и до вас осколки долетали.

1940

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Девочка	5
Поднёвка	6
Лил дождь осенний.	7
Лефтовская ночь	8
Товарищи	9
Мы выйдем ещё не в один поход	11
Седина	12
Зависть	13
За селом синем далёкий лес	15
Если д в ушку полюбишь	17
По дороге в совхоз.	18
Берёвка	10
Русый ветер, какой ты счастливый!	21
Примета	22
Вечер и свет явезды	23
Что листья падают, что ночь светла	24
У моря	25
Тебе	26
Тебе издалека	27
Две явезды	28
Любовью дорожить умеете	29
У блоня	30
Первые шаги	31
Семейный альбом	32
Календарь	33
Весеннее	34
Две даты	35
Пускай умру, пускай летят года	36
Пчела кружилась над цветком	37
Была недолгой жизнь цветка	38
Мичурин	39
Мне кажется порой, что я	41
О снежинке	42
Разговор с геологом.	43
Когда на свете не было меня	44
Туристы	45
„Папанинды“	46
Еще скупа земля якута	47
Вблизи Эльбруса	48
Чу	49
Удуг-Хем	51
Депутатка	53
Хургудек	54
Ташкентский скорый	55
В Сураханах	56

На аэродроме	57
Земля с высоты	58
Снеготопка	59
На парковке	60
Солнце	61
Соловей	62
Подсолнух	63
Лад дождь—и сверкает асфальта река.	64
В троллейбусе	65
М я комната	66
Чешуйчатое дерево	67
На бульваре	68
Стакан	69
О себе	70
К тебе идут твоих стихов герои	71
Зерно	72
Биография речки Рыбинки	73
Возможный случай в поезде метро	74
Первый москвич	76
Башенный край	78
Вступление в Чертков	79
Здесь было горе горькое бездонным	80
У могилы бойца	81
О вайчонке	82
Танки в колхозе	84
22 июня 1941 г.	85
Ленин	86
Боец Садох	87
Поединок	88
Фронтное шоссе	89
Новгороду	90
Спор	91
Перед боем	92
Осень	93
В засаде	94
Партизанка	95
Вбежала в небо красная ракета	96
Москва ватемнена	97
Поезд в полночь уходил на фронт	98
Весна придет. Её известны сроки	99
Опять весна над русскими полями	100
Весенний дождь хлестал кусты	101
Хорошая, любимая, родная	102
1917—1942	103
Пусть войной земля оглушена	104
Уходит старый год	105
Лейтенант	106
Передний край	108
Погонкам	110

№. 53 г.

56

3 руб.

ЛЛ

М

О Г И З
Г О С Л И Т И З Д А Т
1944